

Е.В. Кравченко

**Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. XII.
Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев /
Ред. коллегия: Н.А. Ганина, Н.Ю. Гвоздецкая,
Т.А. Михайлова (отв. ред), О.А. Смирницкая,
Ф.Б. Успенский, Е.М. Чекалина. М.: МАКС Пресс, 2015. 256 с.**

Вышедший номер альманаха «Атлантика», посвященный островам, продолжает серию тематических выпусков (см. вып. VIII о магических заклинаниях и вып. X о животных в германской и кельтской традиции). Среди публикаций выделяются два основных научных направления, по которым распределились работы, причем странным образом к одному тяготеют германистические исследования, к другому – кельтологические. Тема острова воспринимается по-разному в кельтской и германской традициях. Так, в работах Н.А. Ганиной, Е.Р. Сквайрс, О.А. Смирницкой концепт острова выделяется как бы изнутри: в фокусе эмпатии наррации (как и исторического свидетельства) остров предстает как естественным образом изолированный от внешнего мира локус, имеющий собственные законы бытия, но играющий определенную культурную и историческую роль на широкой карте европейской ойкумены в целом. При этом исследователи-кельтологи рассматривают острова «извне» и вокруг Ирландии и Британии, поскольку в самой традиции Ирландия не воспринимается как остров.

Номер открывает статья Н.Ю. Гвоздецкой «Изображение битвы при Клонтарфе в Саге о Ньяле: метафизические аспекты «островного» самосознания в Древней Исландии». На материале анализа эпизодов «Саги о Ньяле», изображающих битву при Клонтарфе, выявлены языческие и христианские корни представлений о судьбе, которые могут трактоваться как следствие «островного» исторического самосознания исландцев, аналогичного «островному» самосознанию англосаксов. Языческие и христианские аллюзии в описании битвы при Клонтарфе в «Саге о Ньяле» дают основания для прочтения событий в контексте «диалога» язычников и христиан. При этом христианские представления о предопределении вписываются в дохристианские представления о судьбе. Языческое и христианское в саге способствует углублению понятия судьбы как формы исторического сознания исландцев. Для мифопоэтической скандинавской традиции характерна соотнесенность индивидуального существования и бытия всего космоса. «Вселенский» метафизический смысл битвы при Клонтарфе заключается в том, что «островной архипелаг» одновременно является местом действия саг и земной ойкуменой эпохи викингов. Битва отражает осознание исландцами своей истории

как части «островной» цивилизации североатлантического региона. Эта островная культура, как считает Н.Ю. Гвоздецкая, восполняла исландцам утраченную связь с их материковой прародиной.

Исландцам «века саг» и их потомкам, пересказывающим родовые саги, было свойственно осознание связи поколений и чувство сопричастности к событиям прошлого, которое М.И. Стеблин-Каменский обозначил как прочность времени. Прочность времени связана со стереотипностью мышления исландцев и предсказуемостью их поведения. Все персонажи саг мыслятся как реально существовавшие исландцы. Типизированные персонажи коллективной индивидуальности вводятся в сагу без указания родственных связей (их поведение не осложнено семейными обязательствами). Вместе с тем поэтика родовой саги отражает различие между личной и коллективной индивидуальностью. Оба типа индивидуальности представлены персонажами-воспитателями. Э.В. Емельянова в своей статье «Образы исландцев “века саг” в преломлении поэтики родовой саги на примере воспитателей: к вопросу о типологии персонажей» сопоставляет персонажей-воспитателей с целью определения средств, которыми поэтика саги обозначает разную степень их типизированности.

Изнутри – в ключе понимания острова как самоценного исторического и культурного локуса – рассматривается один «отдельно взятый» остров и в исследовании Е.Р. Сквайрс «Остров Готланд на пути в Северную Русь: встреча письменных культур». Ею анализируется ключевое значение острова Готланд как плацдарма для распространения торговых и культурных контактов, как промежуточной площадки для взаимодействия и потенциального соединения географических ареалов и этнокультурных единств. Готланд также сыграл важную роль в культурном обмене и языковых контактах между Западом и Востоком Европы в Средние века. Языковой анализ показал, что, в отличие от общепринятого мнения, ранние немецкие тексты с Готланда не испытывали прямого влияния со стороны местного (гутнийского) языка. Вместе с городским правом центра Готланда – Висби – они относятся к более поздней, новой, распространившейся на острове с континента Германии традиции европейского кодифицированного права. В противоположность им местные правовые тексты Готланда представляют письменно фиксированные формы более древней, устной традиции скандинавского права. Если последняя относится к сельскому (гутнийскому) населению острова и не затрагивает морской торговли и международных связей Висби, то новая правовая традиция развивается в среде городского купечества, в основном по инициативе немецкой общины Висби, и в ней самостоятельно реализуется (нижне-)немецкий язык официально-делового стиля. В этой связи значительно пересмотрены место городского права Висби и взаимоотношение немецкой и гутнийской письменных традиций, исследованы факторы и участники ранних, доновгородских контактов скандинавов с Русью. Поставлена задача изучения взаимодействия нижненемецкой письменной традиции со скандинавским (гутнийским) окружением Висби.

Продолжая разрабатывать тему «Остров Рюген», Н.А. Ганина проводит детальное исследование различных проявлений самостоятельного *само*-осмысления истории языка, культуры и фольклорных преданий острова, в котором она не без оснований видит замечательно интересный материал для анализа. Причем как анализа собственно германского языкового материала, так и выявления там реликтов временного славянского присутствия. Обращаясь к именам рюгенских князей (по данным некрополей), чтобы показать этническую пестроту этого региона, как

в пространственном плане, так и в фокусе исторической диахронии, Н.А. Ганина пишет о двучленных именах на острове Рюген, особое внимание уделяя имени божества Святовита. На территории Рюгена встречаются сакральные топонимы (германские, славянские, балтийские) с разными историко-культурными соотношениями. Это подтверждает значение Рюгена как сакрального центра южной Балтики. Сакральная топография Рюгена свидетельствует о преемственности и непрерывности традиции «святых мест» – урочищ.

Обращает на себя внимание и объемная публикация М.А. Волконской, помимо которой был подготовлен перевод «Предисловия» к «Ормулуму» (совместно с аспирантом Н.В. Аносовым), а также подробное вступление и историко-филологический комментарий к нему. М.А. Волконской проведено исследование грамматических терминов в среднеанглийской поэме «Ормулум» и исландском «Первом грамматическом трактате», а также тех орфографических принципов, которым следуют авторы этих произведений. В центре статьи об особенностях «островных» реформ орфографии в Англии и Исландии находится «Ормулум» – среднеанглийская религиозная поэма с уникальной и весьма последовательной орфографией. Разработанная Ормом для своей собственной книги система письма типологически сопоставляется с другой «островной» орфографией, а именно – исландским «Первым грамматическим трактатом», написанным не ранее 1125 г. и не позднее 1175 г. для усовершенствования письменности.

Орфография Ормулума направлена на обслуживание одного диалекта и одной задачи – чтения проповедей на северо-восточном мидлендском диалекте. В диалекте Орма возникает особый тип отношений в слоге: в открытом слоге сохраняется оппозиция протяженности; в закрытом слоге в многосложных словах возможен только плотный слоговой контакт, а в односложных словах контакт может быть плотным или неплотным. Главная инновация Орма – использование двойных букв для отражения плотного слогового контакта. Двойные написания мотивированы фонологическими изменениями, которые Орм отрефлектировал и стал обозначать на письме. Вместе с этим утверждение о целенаправленном языковом анализе не подкреплено контекстом. Менее точные противопоставления встречаются в созвучных парных формулах и повторениях этимологически родственных слов. Для автора «Первого грамматического трактата», поставившего перед собой задачу использовать буквенное письмо и приспособить буквы латинского алфавита для передачи звуков родного языка, противопоставление пар слов является методом языкового анализа.

И Орм, и автор «Первого грамматического трактата» – реформаторы и регуляризаторы орфографии. Созданные ими системы письменности направлены на достижение точного соответствия между звуком и графемой. Но Орм считает свое высказывание единственно верным. Автор «Первого грамматического трактата», напротив, открыт для изменений и допускает их возможность. Оба автора чувствуют различительные фонологические признаки, разделяя план выражения и план содержания. Развитием этого фонологического принципа в орфографии является то, что неразличительные признаки у обоих авторов не получают буквенного выражения, т. е. аллофоны не различаются на письме.

Появление первых попыток упорядочить орфографию народных языков именно на островах мы полагаем одним из результатов Возрождения XII века в его особом, «островном» преломлении. «Первый грамматический трактат» получил определенное признание в Исландии: рукопись несколько раз переписыва-

лась, а некоторые ее орфографические принципы применялись и другими авторами. «Ормулум» же сохранился в черновой авторской рукописи; крайне маловероятно, что она когда-либо переписывалась. Таким образом, разработанные Ормом принципы письма не получили распространения в Англии. Это произведение было ориентировано не на широкую аудиторию, но на местных прихожан. Разное влияние этих текстов на развитие письменной нормы свидетельствует об особом – изолированном, «островном в квадрате» – положении «Ормулума», созданного в среде, бедной горизонтальными связями (в отличие от Исландии). Эта особая черта способа существования английского языка того периода показывает, что остров в Средние века зачастую «не столько географическое понятие, сколько феномен культуры, который проявляется в сложном взаимодействии между замкнутостью и открытостью».

Воссоздана Исландия как микромир, располагающийся на острове, в публикации О.А. Смирницкой, включающей перевод поздней саги (XIX в.) «Горный Эйвинд». Исландия, в отличие от острова Рюген, хоть и не имеет столь глубокой и давней, многослойной исторической традиции, занимает большее пространство, и в данном случае фокус эмпатии нарратора поворачивается не вглубь, а на плоскость, вычлняя разные пласты пространства: обжитое и «дикое», расположенное, в основном, на заросших лесом холмах. Именно эти точки становятся «островами внутри острова», местами, где можно укрыться и где, как показано О.А. Смирницкой, как бы останавливается время; не случайно герой занимается старыми промыслами, уже не практикующимися в одомашненном пространстве. Тема замедленного течения времени в островных локусах находит параллели в ряде других работ, выполненных участниками проекта.

Перевод саги предваряет статья Н.Л. Огуречниковой «Горный Эйвинд. Легенда о Горном Эйвинде в истории исландской словесности». Активное взаимодействие с устной традицией является отличительным признаком всей исландской литературы. Легенда о Горном Эйвинде – это память исландского народа о человеке, нарушившем законы Исландии. Самыми знаменитыми из всех людей, объявленных вне закона, были Греттир и Эйвинд, которые жили «вне закона» дольше других. Нарушение законов служит сигналом тревоги для исландского общественного сознания, поскольку под угрозой оказывается не только жертва преступления, но и нечто более глубокое и фундаментальное – законы, которые чрезвычайно значимы для традиционной исландской культуры. Такой взгляд мог сформироваться только «изнутри» – внутри изолированного островного пространства, где статус «изгнанника» приобретает совершенно особый смысл: изгнанник приравнивается к умершему, словно бы не существующему в доместифицированном пространстве острова.

Как это ни странно, Ирландия, что показано в другой группе исследований, самими ее жителями воспринималась не как остров, но как своего рода континент, как прочная твердь, тогда как и акцент наррации, и собственно лингвистическое осмысление (понятие «остров» *inis* применялось только к окружающим островкам) маркировало небольшие островки вокруг Ирландии. Их действительно было очень много, и с каждым из них была связана та или иная легенда, а все вместе они воспринимались как некий Иной мир.

Восприятие небольших островков как Иного мира рассматривается также при анализе среднеирландского переложения «Одиссеи» в совместной публикации «Предания об Улиссе» (Михайлова; Николаев): в ирландской саге «Блуждания

Улисса» родина героя перестает быть островом и превращается в «твердую землю», что непосредственно связывается с темой островков вокруг мегаострова, осмысляемых как посмертный локус либо как обиталище чудесных существ.

Д.С. Николаев (автор *Предисловия* и *Примечаний*) привлек к участию в переводе саги «Странствия Улисса» А.В. Кухто, М.В. Шкапу и М.В. Шумилина. Выясняя источники краткого средневекового изложения истории Одиссея «Скитания Улисса, сына Лертиса», он приходит к выводу, что сага восходит к переводам. Важную роль здесь играют мотивы, не связанные с античной традицией. Предисловие Д.С. Николаева к переводу саги «Блуждания Улисса сына Лаэрта» и статья Т.А. Михайловой об этом же тексте писались ими параллельно, но, как это ни странно, практически никаких пересечений с точки зрения тематики и методологии анализа текста в этих работах не нашлось: видимо, авторы работали, что называется, «в разных парадигмах». Д.С. Николаев сконцентрировался не на анализе текста, а на создании развернутого предисловия к подготовленной им публикации, включающего описание рукописных источников, историю публикации и историографию. Т.А. Михайлова стремилась вписать дошедшую до нас сагу XII в. в более широкий контекст средневековой ирландской ученой традиции, в частности – так называемого жанра «плаваний к чудесным островам». Основным можно назвать ее предположение о том, что предание об Улиссе сознательно не вписывалось средневековым компилятором в схему рассказов о чудесных плаваниях, о чем говорит и само название саги: *meitudud* ‘блуждание, безумие’, но не *immgam* ‘плаванье (на веслах)’. Ирландская «составляющая» саги – тема чудесного пса героя. Образ острова, населенного странными существами, трактуется как видение Иного мира. Разрабатывает в своей статье Т.А. Михайлова новую концепцию: тема иномирных островов сложилась в момент христианизации Ирландии и за ней стоит практика размещения на небольших островках культовых друидических храмов и поселений. Параллельно в фольклорной традиции формируется образ чудесного острова, населенного женщинами, – образ чудесного Иного мира, находящегося недалеко от берегов Ирландии. Именно поэтому Итака в саге *перестает* быть островом: её хозяйка Пенелопа – земная женщина, а не представитель иного мира.

Для XII-го выпуска «Атлантики», который (за небольшим исключением) посвящен теме островов, решено было также подготовить несколько объемных аналитических рецензий на новые зарубежные издания, посвященные теме плаваний, посещений островного Иного мира и осмыслению пространства в средневековой ирландской культуре с точки зрения исторической поэтики. К сожалению, не хватает работ указанной тематики о скандинавах или древних германцах.

Т.А. Михайлова отрецензировала вышедшую в 2011 г. в Майнуде книгу Л. Дуньян «Приключения как жанр ранней ирландской литературы», продемонстрировав, что и *Приключения* (*Echtrae*), и *Плавание* (*Immrama*) как единицы саговой наррации строятся практически по одной схеме и поэтому говорить о жанровой принадлежности в данном случае затруднительно.

Историк Г.В. Бондаренко проанализировал книгу известного кельтолога Пр. Мак Каны, посвященную образу сакрального центра Ирландии (скорее, как псевдогосударства, нежели острова в географическом смысле). По рекомендации Г.В. Бондаренко (в качестве иллюстрации методологии Мак Каны) М.В. Елифёрова (РГГУ) сделала перевод одной из глав книги (посвященной фиане – Финну и его воинам, существовавшим как бы вне доместичированного пространства).

Сведения об авторе:
Евгения Владимировна Кравченко,
соискатель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Evgenia V. Kravchenko,
Graduate student of the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zkravchenko@yandex.ru